

Пролог

Все мы видим сны. Яркие, красочные. Тревожные, мрачные.

Порой сны бывают настолько реалистичными, что, проснувшись, ты судорожно пытаешься вспомнить детали, ищешь их знаки в реальном мире, не хочешь осознавать, что все, что было там – нереально.

Говорят, полёт во сне означает, что ты растёшь. У каждого из нас есть детские воспоминания о снах, где ты летаешь. Или падаешь. Или управляешь полетом. Полет – это жизнь. Осмысливая это, каждый становится чуточку взрослее.

Но бывают и такие сны, которые описывают целую жизнь внутри сознания. Они показывают нам наше прошлое или будущее. А порой ты просто видишь события прошедшего дня. Хитрые, они дают тебе шанс подумать, что что-то можно было сделать иначе.

После пробуждения такие сны наталкивают на глубокие мысли, которые не отпускают тебя весь следующий день. А порой и вовсе могут поменять взгляды, побудив тебя к изменениям в своей жизни.

А еще бывает, что сны находят свое отражение в реальной жизни, в мелочах, которые ты сначала видишь сначала во сне, а потом встречаешь наяву. Они настолько сильно входят в нашу жизнь, что ты невольно начинаешь терять грань между сном и явью. Видимо, грань между сном и реальностью не такая уж и чёткая, а значит где-то и вовсе имеет бреши.

А это значит, что сном, как своей жизнью, тоже можно управлять, или же наоборот поддаться её течению.

Все мы видим сны. Яркие, красочные. Тревожные, мрачные.

Часть 1

Глава 1.

I'm your dream, mind astray

Metallica «Sad But True»

В парке царило необычайное спокойствие.

Когда я был здесь последний раз, все скамейки, все лавочки оккупировала огромная толпа. Веселые, подвыпившие компании сновали от фонтана к ларьку с мороженым и прохладительными напитками и обратно. Помню, пришел с книгой, чтобы дочитать ее до понедельника, - предстоял тест, - но так и не раскрыл ее. Гогот наполнял весь парк. Стало неудобно. Я сразу вспомнил свой выпускной вечер, когда Степка настоял на том, чтобы я пошел со всеми. Помню, что один из класса не был навеселе – я. Шумные и большие компании отталкивают тем, что они большие и шумные. Не для меня. Я пытался вклиниваться в чей-то разговор, пытался с кем-то заговорить, но никому не было до меня дела. Даже Степке, который по праву считался заводилой в классе.

Мы с ним – две абсолютные противоположности. Как получилось, что мы подружились? Порой я кидал на него взгляд, видел, как он, дерзко и в то же время небрежно, откидывал уложенные набок темные волосы и подмигивал какой-нибудь девчонке. Атлетически сложенный, с правильными чертами лица... Стоило кому-то посмотреть в его светло-серые глаза, как он сразу таял. Поэтому Степке прощали все. Даже если он творил что-то действительно опасное.

А рядом с ним был я, его лучший друг. Я смотрел на себя в зеркало и не понимал, как можно быть таким нескладным. Высокий, худощавый парнишка. А растрепанные светлые волосы и очки совсем не улучшали картину. Когда мы шли по улице, я часто стеснялся, потому что в первую очередь смотрели на уверенно вышагивающего Степку, а потом уже неохотно переводили взгляд на меня, семенившего за другом.

Хотя... был ли я для него лучшим другом? Может, он стал общаться со мной из жалости. Я не узнаю. Мы были слишком разные, поэтому неудивительно, что судьба развела нас сразу после окончания школы.

Однако я отвлекся.

В парке царило необычайное спокойствие.

Солнце медленно и лениво ползло по светло-голубому небу. Уже почти летнее, но все же еще не проснувшееся, оно чувствовало, что нужно выполнять свою работу, а поэтому заливало своим светом уже зазеленевшие деревья, играло бликами росы на траве и отражалось в стеклах припаркованных у входа в парк авто.

Весь город еще спал. Зачем я пришел в парк так рано?

Мне нравится быть одному. Тишина и отсутствие людей помогают мне лучше сосредоточиться, подумать. Они – стимул моей гармонии с самим собой и с окружающим. Это странно? Возможно.

Я медленно иду по узкой тропинке. Это не главная аллея, и эту тропинку я открыл для себя сравнительно недавно. О ней мало кто знает, поэтому мусора и собачьих «приветов» здесь практически нет.

Стоит только вдохнуть – и голова уже кружится от чистого, свежего воздуха. Пахнет листвой. Насыщенной и сочной. Каждый раз удивляюсь, как в таком загазованном городе, где многоэтажки жмутся друг к другу как люди в автобусе в час-пик, можно ощутить настолько чистый воздух. Одна из загадок, которые не хочется разгадывать, а которыми хочется только наслаждаться.

Я не люблю свой город. Он слишком большой и грязный. Противоестественно. Мы столько кричим о том, что пытаемся сохранить природу, а в итоге на целый город-миллионник у нас один парк. И то, который никто не убирает, кроме нескольких малочисленных инициативных групп.

Я опять отвлекся. Мысли приходят одна за одной, перемешиваясь, наслаиваясь друг на друга. Когда я думаю о том, как именно я думаю, мне приходит на ум горный поток. Сильный, мощный, но образованный множеством маленьких ручейков. Мои мысли – ручейки. Я – поток.

Вечером шел небольшой дождь, поэтому кое-где в тенистых местах виднеются маленькие лужи. Вода в них спокойная и неподвижная – деревья надежно защищают мое укрытие от ветра. Маленькая двухместная скамеечка с резными металлическими ручками ждет меня. Железо еще прохладное, но это приятная прохлада. Удобно устроившись, я достаю блокнот и карандаш...

Я люблю дни, когда мне снится этот парк, потому что я просыпаюсь с чувством, как будто внутри меня находится лучик того самого сонного солнца. И я говорил себе: «если солнце выполняет свою работу, то и тебе нужно». И с этим настроением я жил весь оставшийся день.

Будильник звенел яростно и настойчиво.

- Не мог потише сделать? – пробурчал недовольный голос рядом. – Мне сегодня ко второй.

- Прости, - пробормотал Лешка, сразу же проснувшись и быстро ударив рукой по красной кнопке.

Его сосед Саня, все еще недовольно бурча, отвернулся к стене. Отлично. Меньше мешаться будет. Саня – такой тип людей, которые не дают другим и рта раскрыть. У него наготове всегда множество историй, иногда без всякого смысла, иногда забавных. Когда сосед начинает говорить, его не остановишь. А уходить посреди истории – невежливо. Поэтому Лешка часто опаздывал на пары из-за слишком разговорчивого приятеля. Иногда ему казалось, что таким образом Саня просто пытается с кем-то

поговорить. Друзей у него не было, по крайней мере, Лешка о них не знал и никогда не видел.

Держась за поручень в набитом метро, он вспоминал сон. Удивительно яркий и живой. Во сне Лешка чувствовал, что он живой, что он особенный. А потом просыпался и сливался с серой массой.

Что ты значишь в толпе? Ничего по сути. Толпа – это одно большое что-то. Неудержимое. Неуправляемое. При этом все люди в ней безлики. Если вы пробовали найти кого-то в толпе, то поймете, о чем идет речь.

Вслед за толпой Лешка вышел из метро. Вернее, толпа вынесла его из метро. Взлохматив волосы, юноша зашагал к университету.

Университет – это маленькая модель мира. Много людей, существует социальное разделение, неравенство, отношения людей к друг другу в целом и к каждому человеку в отдельности.

За три года Лешка так и не нашел друга, к которому был бы привязан так сильно, как к Степке. Приятельские отношения он старался поддерживать со всеми, но никому не открывался, ни с кем не говорил по душам. Ему не хватало того, кто понял бы его, с кем можно было бы обсудить все, что приходило в голову, без стеснений и опаски.

Во сне такого друга он тоже не встретил. Но если в реальной жизни отсутствие друга давило на него каждый день, то во сне Лешка был представлен самому себе. Одиночество нравилось ему. Пожалуй, даже не одиночество, потому что это слово несет в себе некую нотку негативной нагрузки.

Снова эти лица. Снова пустота в душе. Задания он выполнял на автомате, даже не задумываясь. Что-то отвечал. Записывал лекции в тетрадь. На обед, кажется, съел пирожок с картошкой. Или с картошкой был вчера?

Во второй половине дня Лешка пошел в парк. Его почему-то тянуло туда именно сегодня. Он ходил в парк по пятницам только тогда, когда появлялось странное желание рисовать людей. Наброски детей на игровой площадке, пожилых дам в оживленной беседе, спешащих куда-то людей в деловых костюмах. Кого только не встретишь в парке.

Все в движении. Все живут. А ему, Лешке, отведена роль наблюдателя.

Он бросил рюкзак на скамейку рядом с собой, достал блокнот и карандаш, немного покусанный с обратной стороны. Была у Лешки такая привычка – покусывать его, в поисках нового объекта для зарисовок.

В послеобеденное время в парке появлялось много прохожих. Поймав взглядом мальчишку лет десяти с огромным лохматым псом, которые носились по газону, Лешка перелистнул страницу блокнота.

В этот момент его глаза распахнулись от изумления.

На странице оказалась небольшая зарисовка – пара деревьев, тропинка с лужами. То, что он видел во сне. Когда Лешка успел это нарисовать? Не утром, не на парах. Он

вообще не помнил, чтобы сегодня доставал блокнот. Последний раз он доставал его во сне. И именно там родилась эта зарисовка.

С минуту он изучал ее. Каждую линию, каждый изгиб карандаша. Это определенно его стиль. Его набросок.

Словно испугавшись, что кто-то увидит это, слишком личное, Лешка захлопнул блокнот и сунул его обратно в рюкзак.

Руки слегка дрожали, и это мешало застегнуть молнию на кармане. Оставив его наполовину расстегнутым, юноша поднялся со скамейки. Настроение рисовать испарилось. Остаться здесь тоже больше не хотелось. Хотелось только одного – прийти домой и уснуть.

В том парке из сна ему было спокойно.

Глава 2

Сегодня небо затянулось легкими тучами, и солнце не спешило пробиваться. Однако отсутствие солнца ничуть не пугало, наоборот. Легкий ветерок забавлялся с листвой, и тихий шелест, мирный, успокаивающий, наполнял парк.

Парк пустовал. Ни одной живой души здесь не было. О том, что здесь вообще хоть кто-то бывает, свидетельствовали пара следов в тех местах тропинки, где не было брусчатки, да несколько оберток, валявшихся у урны.

Я не помнил, обращал ли прежде внимание на подобные детали. Возможно, я каждый раз так спешил к своему укромному уголку, что не смотрел по сторонам.

Что-то тянуло меня туда. Может, я хотел удостовериться, что в моем маленьком мире все идет как надо. Я не люблю перемены. Они выбивают меня из себя. Я теряюсь. Ненавижу чувствовать себя потерянным.

Мне вспомнился зимний вечер, когда, засидевшись в библиотеке, я впотьмах возвращался домой.

Идешь по пустынной улице, освещенной фонарями, свет которых уже надоел твоим глазам, и думаешь. Месиво из снега и грязи у тебя под ногами, и непонятно, где снег, а где грязь, и снег ли это вообще. На душе так же. Тебя обуревают множество чувств, но ты не понимаешь, что это за чувства. Тихо на улице. Никаких прохожих. Морозно. По бокам дорожки лежит чистый, только что выпавший, белый снег. Свет фонарей падает и на него, и он переливается, но ты уже ничего не чувствуешь, глядя на него. А вспомни, когда ты был ещё дошкольником и, смотря на такой же снег, ты думал, что это множество драгоценных камней, которые добрая волшебница подарила людям. Но скоро этот снег опять превратится в грязь...

А ты идешь. Смотреть вниз, себе под ноги, тебе надоело, и ты поднимаешь глаза вверх. Небо темное, как будто на него случайно опрокинули чернильницу. И ты думаешь о том, что человечество в последнее время изменилось. Люди потеряли нравственные ценности, стали черствы, как прошлогодний хлеб. Ты такой же.

Ты идешь и думаешь. Темные пятна расплзаются по небосклону, и постепенно небо приобретает однотонный, ещё более темный оттенок. Лишь одна контрастная точка

просвечивает на нём. Единственная на небе звезда, как единственное, что остаётся у человека. Надежда. Надежда, что когда-нибудь будет лучше, чем сейчас. Надежда, что все еще можно изменить. Надежда на светлое будущее.

Надежда остаётся с человеком. Всегда. Ты идёшь и думаешь. Небо становится всё темнее, а звезда с каждой минутой теряет свой цвет. И вот, она уже растворяется в этой огромной, темной массе. Небо темное, без единой светлой точки. Надежду я утратил в первую очередь, потому что надеяться – это глупо. Надежда – это обман.

Сугробы уже не казались такими белоснежными.

Когда я пришел домой, квартира была пуста – Саня, кажется, предупреждал, что его не будет. Так даже лучше. Два года назад я съехал от родителей, потому что устал от постоянных упреков, ссор матери с отчимом, от криков надоедливых младших сестер.

Кто вообще придумал заводить младших сестер? Если братьям можно дать подзатыльник и попросить заткнуться, то девочки сразу же нажалуются. Или, того хуже, заревут.

Моя лавочка совсем не изменилась со вчерашнего дня (или ночи?). Подавив привычку, я прошел ее и направился к цветущим за ней кустам сирени. Обычно дальше я не заходил, садился, доставал блокнот и отдавал себя в руки вдохновения.

Рисование успокаивало меня и давало шанс привести мысли в порядок. Абстрагировавшись от всего, кроме рисунка, ты невольно забывал о проблемах, и единственным желанием было рисовать, водить карандашом по бумаге, создавая линии, из которых в свою очередь рождался бы сам рисунок. Сначала это набор линий. Затем медленно, с каждым новым штрихом карандаша лист оживает, предметы обретают узнаваемые очертания. Настоящим творцам никогда не нравятся их рисунки. Гении стремятся к недостижимому идеалу, а потому в их работах всегда будет чего-то не доставать. Во мне борются гений и гордец. Один все время недоволен набросками, второй доволен и горд тем, что вышло.

Сирень надежно укрыла меня от всего. На фоне зеленых листьев виднелись белые пятна цветов. Белый – цвет непорочности. Так почему же цветы стремились выделиться, не казаться частью своего дерева?

Моя мама любит сирень. Когда мы жили вдвоем, я приносил сорванные украдкой ветви и ставил их к ней в комнату. Помню, она придет с работы, такая уставшая и такая родная, пройдет к себе и наигранно удивится:

- Ох, откуда же взялись эти цветы? У меня тайный поклонник?

Что-то опасное и таинственное было в том, что я рвал сирень в школьном саду. Конечно, так она радовала бы всех, а в вазе она радовала только маму, но разве не в этом суть жизни? Расставлять приоритеты. И я хотел, чтобы именно мама наслаждалась этими веточками, специально для нее.

А как они пахли!

Я наклоняю голову, чтобы вдохнуть этот нежный, сладкий запах. Хочется утонуть в сирени и никуда не уходить отсюда. Отломив небольшую веточку, я сунул ее в карман джинсов.

Листва зашелестела сильнее – ветер усиливался. Пока я выбирался к скамейке, ветки неприятно хлестали по лицу. Оказавшись вне защиты кустов, я обнаружил, что пошел мелкий дождь. Маленькие и частые капли, которые оказывались на очках, мешали смотреть. Я знал – вытирать их бесполезно.

Может, нужно проснуться? Не очень хочется, но нужно.

Я открываю глаза.

.....

Солнечный лучик, пробившийся через неплотно задернутую занавеску, светил Лешке прямо в лицо. Недовольно поморщившись, юноша попытался скрыться от злодея, перевернувшись набок. Но его попытки не увенчались успехом. Потянувшись, Лешка поднялся.

Утро еще в самом разгаре, поэтому Саня сладко спал. Счастливый, на его кровать солнце не попадает.

Тихо, чтобы не разбудить соседа, Лешка оделся и, прикрыв дверь комнаты, вышел на кухню. В шкафах и холодильнике можно было бы устраивать показательные казни для мышей путем повешения.

Пришлось довольствоваться чаем без сахара. Все равно он собирался навестить мать. Там-то точно его голодным не оставят. А вот Саня пусть разбирается с проблемой пустого холодильника, когда проснется.

Субботнее утро хорошо тем, что на улице мало людей. Прямо, как во сне.

Проходя мимо куста сирени, Лешка вдруг остановился. Он подошел ближе, огляделся и начал аккуратно отламывать лучшие ветки, одна за одной. Когда уже почти собрался довольно приличный букет, из окна первого этажа послышался громкий ворчливый голос:

- Хулиганье! Всю сирень разворовали!

Хихикнув, Лешка припустил к углу дома. В самом деле, как маленький.

Вот неужели ей жалко? Сирень отцветет и засохнет, а так он сделает приятное маме. Хотя Лешке было не очень приятно находиться в квартире и ему постоянно хотелось уйти, по матери он скучал всегда. Скучал по той жизни, что они вели вдвоем. По выходным, когда мама садилась за фортепиано и, вспомнив молодость, играла что-то из Вагнера.

Ничто уже не заменит этих вечеров.

А потом появились дела, «приду попозже», букеты и коробки конфет («Ой, да это нам всем на работе дарили»), а затем в их жизни появился Леонид Валерьевич, дядя Леня, которого Лешка никогда не смог бы назвать «папой».

Леонид Валерьевич, коренастый и крепкий мужчина, который даже на деловые переговоры являлся в джинсах, совсем не подходил такой изящной и утонченной маме Лешки. Одиннадцатилетний Лешка не понимал, почему дядя Леня заинтересовал его

мать, не понимал этого Лешка и сейчас. Но, надо отдать должное, новоиспеченный отчим всегда хорошо относился к пасынку и пытался найти с ним общий язык, заговорщически подмигивая по поводу и без.

А год спустя появились Маша и Даша – две маленькие и похожие друг на друга как две капли воды Лешкины сестрички. Сейчас восьмилетние девчонки стали слишком шумными и находиться рядом с ними стало просто невозможно.

Наверное, то, что с рождением Маши и Даши на него перестали обращать внимание, задело Лешку больше всего и стало одной из причин его переезда.

Дверь открыли сразу. Мать, с забранным конским хвостом, в домашнем халате, расплылась в улыбке.

- Леша, проходи.

«Леша». Такое нежное «ш» могла произнести только она. Оно было такое мягкое и плюшевое, такое родное, что сердце невольно заколотилось сильнее.

- Это... Это тебе, - пробормотал Лешка и протянул матери букет.

- Опять у школы деревья обдирал? – нарочито серьезно поинтересовалась она.

- Да не-е-ет, в этот раз около дома, - протянул Лешка.

- Спасибо, - вся суровость испарилась с лица матери, и она снова принялась улыбаться. – Как хорошо, что ты пришел, - потом она спохватилась. - Пойдем, буду тебя кормить. Ты вообще не ешь? Исхудал, тощий как жердь, как тебя еще ветром не унесло!

- А фонарные столбы на что? – хмыкнул юноша. – Вот за них и держусь.

Да, он не просчитал. Его кормили всем, что стояло на столе. На плите. И еще немного тем, что было в холодильнике.

Мать спрашивала про учебу и подработку, он отвечал односложно – с набитым ртом затруднительно рассказывать, знаете ли. А мама почему-то обиделась...

Когда Лешка почувствовал, что если сейчас возьмет в рот еще хоть крошку, то лопнет, он вдруг понял, что дома непривычно тихо. Лишь бурлил суп в кастрюле да гудел холодильник.

- А где дядь Лёня и девчонки? – спросил он.

- Отправила их за хлебом прогуляться. Пусть развеются и нагуляют аппетит. К тому же, мы собирались поехать к их бабушке. Ты же не предупреждал, что зайдешь.

Прозвучало как упрек.

В самом деле, он вообще мог их не застать. В следующий раз надо будет хоть позвонить. Да и мешать не особо хочется.

- Ну ладно, я тогда пойду, - засобирился он. – Передавай им привет.

- Уже?

По лицу матери стало понятно, что ей совершенно не хочется, чтобы он уходил. Однако пусть они едут к матери Леонида Валерьевича, бабушке девчонок, и не беспокоятся о нем. Как-нибудь проживет, справится.

Открылась входная дверь, послышался громкий смех, шорох расстегиваемых ботинок и курток, и вот на кухню ворвался шумный ураган в лице Маши и Даши.

- Лешка-а-а прише-е-ел! – завопили они и бросились на брата.

Надо было уйти пораньше. Фальцеты их детских голосков отдавались в голове странным гудением. Осторожно отцепив от себя девчонок, Лешка поднялся.

- Я правда пойду.

В прихожей он поздоровался с отчимом. Пожимая руку пасынку, тот сказал:

- Приходил бы ты почаще, Алексей. Мать скучает и расстраивается, да и девочки вон радуются тебе.

- Да, знаете, дел что-то много, - не моргнув глазом, соврал Лешка. – Вот с утра удалось забежать.

Дядя Леня понимающе кивнул.

- Ну да, ну да. Студенческая жизнь, понимаю.

И заговорщически подмигнул.

Лешка приложил все усилия, чтобы не закатить глаза и не поморщиться. Он лишь кивнул и вышел.

Спускаясь по лестнице, он засунул руки в карманы. Кроме ключей там лежало еще что-то. Приложив некоторые усилия, Лешка вытащил оттуда маленькую ветку с белыми цветами сирени.

Глава 3

В этот раз в парке стояла ночь. Еще не глубокая, возможно около полуночи. Время тайн и мистики, время, когда признаются в любви. Время, когда все замирает.

Я очутился около фонтана. Я понял это по шуму воды. Все вокруг было объято тьмой. Обычно ближе к вечеру включается подсветка, и разноцветные струи воды с шумом падают вниз. Сейчас же царила абсолютная темнота. Я не видел ни домов, окружавших парк, ни соседние освещенные фонарями улицы. Весь парк был погружен во тьму.

Усевшись на каменный бортик фонтана, я принялся думать.

Меня не оставляли в покое две ситуации: первая – появившийся ниоткуда рисунок в блокноте, вторая – веточка сирени. И если в случае с сиренью я мог найти оправдание, что, возможно, я прихватил ее, когда собирал матери букет, а не принес из сна, то появление наброска не укладывалось ни в какие рамки моей логики.

Это было по меньшей мере странно. А по большей мере пугающе.

Блокнот, который в этот раз почему-то оказался не в рюкзаке, а во внутреннем кармане ветровки, словно сжигал меня изнутри. Во мне боролись любопытство, удивление, подозрение и страх.

Я хотел было достать альбом, чтобы удостовериться, что рисунок не пропал, но разве в такой темноте что-то разглядишь?

Оставалось только сидеть и думать.

Мой верный друг и товарищ с плотными страницами и в кожаном переплете появился в моей жизни сравнительно недавно – полтора года назад. Наверняка вы все знаете эту студенческую традицию – чтобы не тратиться на новогодние подарки всем в группе, вытягивать написанные на бумажке имена и дарить подарок одному, случайно вытянутому. Как зовется это сейчас, я не знаю, но мы называли это «тайным Сантой».

Мне повезло – я вытянул Саню. А поскольку мы с ним были соседями, то мне все уши были прожужжаны новой компьютерной игрой, последней частью знаменитой саги. Я таким никогда не увлекался, но это определенно был бы лучший подарок моему соседу.

Кстати, он сразу догадался, кто ему его подарил, поэтому Тайный Санта стал Явным.

А вот я в последний день перед зимними каникулами обнаружил в рюкзаке сверток из темной бумаги. Осторожно сняв ее, я увидел этот самый блокнот. Ни записки, ни надписи на обложке я не заметил. Никто в группе так и не признался, кто был моим Сантой, но с этого момента мы с блокнотом стали не разлей вода.

До этого у меня не было отдельного места для моих рисунков – они ютились на полях учебников, на задних листах тетрадей, я мог набросать что-нибудь даже на вчерашнем чеке. А блокнот я стал носить с собой всегда и повсюду. Он словно стал моей третьей рукой. Хотя... скорее вторым сердцем, потому что я вкладывал в него душу больше, чем в что-то другое в своей жизни.

Я взглянул на небо. Чернильно-черное, без единой звезды. Нет, мне так не нравится. Это же мой сон, верно?

Как же там у Маяковского...

*«просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!»*

Я не перенесу. Темнота, конечно, друг молодежи, но сейчас мне нужен свет. Свет – это ориентир. Есть просто свет изнутри – таким светятся по-настоящему хорошие люди, которых я, к сожалению, почти не встречал. Есть свет ослепляющий – он яркий, болезненный и опасный. А есть свет утешающий, например, свет в конце туннеля, который приободряет, словно говоря: «Давай, еще немного».

Я закрываю глаза. Послушайте! Мне очень-очень нужна звезда! Если это мой сон, то я смогу зажечь ее сам для себя.